

Веч. Клуб. - 1996. - 23 янв. - С. 8.

Золотая кассета Дмитрия Сухарева

Просто я сегодня одна

— Неужели ты в самом деле считаешь, что человек произошел от обезьяны?!

Она глядит на меня с неприятным ужасом.

Повстречав на своем пути отца Александра Меня, Тамара Александровна вдруг стала страстной христианкой. Прежде, бывало, блюдечко крутила, и на ее зов как миленькие откликались покойные классики — изъяснялись загадками. Теперь осудила себя такую, познав истинную истину. И хорошо. В ее исполнении приобщение к свечкам и иконам выглядит даже симпатично — она ведь не делала карьеры из прежней идеологии. Она вообще на редкость непосредственный и симпатичный человек. Это я про поэта Тамару Жирмунскую.

Мы с Тамарой ходим парой. Когда-то ходили в соседние школы, а существуй в то время совместное обучение, ходили бы в одну. И в стихах наших аукаются соседние кварталы, и одни и те же московские барды переводили эти стихи на музыку.

*Не засекай, район любви,
Меня на каждом перекрестке,
В пролеты лестниц не зови,
Не пачкай в краске и известке,
Не отводи оконных глаз
И не топи в тени скамеек.
Ты это делал тыщи раз —
Ты не откроешь мне америк!*

Это из песни Сергея Никитина. Такие прелестные, такие девичьи писала стихи! И вот вам, пожалуйста, дожили — уже естественным путем и произойти нельзя. Стать человеческой особью из безрукой-безногой реберной кости, оказывается, можно, а из обезьяны — и не думай. Где логика? Где наконец плюрализм?

Если Тамарины эмоциональные восклицания по поводу наших с ней обезьяноподобных предков случались в присутствии отца Александра Меня, он примирительно улыбался. В этой улыбке читалось, с одной стороны, удовлетворение усер-

дием его духовной дочери, а с другой, утешение мне, иначе-чувствующему. У меня даже осталось впечатление, что в посылаемой мне улыбке сквозило нечто большее, чем просто утешение. Ведь по образованию Александр Владимирович был, как и я, биолог.

Фазиль Искандер, разделявший общую трапезу на Тамариных днях рождения, вспоминает о разговоре на близкую, если разобраться, тему.

Речь шла о юморе, и (цитирую Искандера) отец Александр утверждал, что "из всех живых существ юмор чувствует только человек", поскольку способность видеть себя смешным есть "отчасти божественный взгляд на себя". "А как же собака? — удивился Искандер. — По-моему, она понимает юмор. Иногда даже улыбается." "Ну, собака, — ответил отец Александр, ничуть не смутившись, — собака почти человек."

— Отец Александр, освяти-те угощение! — зывает между тем хозяйка, внося горделивый пирог.

— Может быть, не будем оскорблять чувства неверующих? — отвечает Александр Владимирович с той же едва уловимой улыбкой, но сам уже

обходит вокруг стола и чем-то таким помахивает очень даже всерьез.

Милый был человек, дружелюбный, терпимый. "Уверен, что его великая верность Богу, — писал Искандер, — оборачивалась в обычной жизни необычайной доброжелательностью к каждому человеку." И правда: к каждому. Это такая редкость. Мы привыкли к тому, что декларация собственных убеждений чуть ли не автоматически оборачивается непримиримостью к тем, кто их не разделяет. Но ведь на самом-то деле идеология агрессивна и язвительна, когда она не уверена в собственной силе. А силе сопутствует шутка. И желание умягчить ожесточенных тоже черта тех, чьи убеждения сильны.

Подумать — так это в самом деле вздор и безумие, когда христиане разного толка агрессивны друг к другу, когда верящий в чудо шипит на того, кто верит в естественную причинность. "Я тогда еще не знал, — написал Искандер после мученической кончины священника, — что именно эта беспримерная широта взглядов отца Александра, его страстное желание примирить и включить всех в работу на ниве духовного возрождения России вызывала в некоторых людях яростную ненависть к нему".

Многого мы не знали тогда, на скромном пире дружелюбия. Наверное, можно было без всякого смущения поговорить с Александром Владимировичем о бардах и о бардовской песне, но я об этом даже не подозревал. Не знал, что знаменитые строчки Александра Галича: "Когда я вернусь, я пойду в тот единственный дом, где с куполом синим не властно соперничать небо..." — это про его, Меня, храм в Новой Деревне, "памятник деревянного зодчества" о двух синих куполах; в нем отец Александр и крестил опального барда. Не знал, что

книги свои Александр Владимирович писал под музыку, что он обладал прекрасным голосом и слухом, что любил петь и играл на гитаре. И что одну из известнейших студенческих песенок моей молодости сочинил студент Пушкино-мехового института Алик Мень.

Помнишь первобытную

*культуру:
У огня сидели мы с тобой,
Ты мою изодранную шкуру
Защищала каменной иглой.
Я сидел нечесанный,
небранный,
Не членораздельно бормотал.
В этот день топор из неолита
Я на хобот мамонта сменял...*

В свое время "Неолитическая" (в основе которой лежит чувствительное утесовское танго) была популярна и у нас в МГУ. О неожиданном авторстве текста я узнал совсем недавно из публикации в парижской газете "Русская мысль".

Знал бы раньше, уж точно предложил бы всем вместе попеть за Тамариным столом Тамарины стихи: Уверен, Александра Владимировича не пришлось бы уговаривать. Ведь в давнем вальсе Виктора Берковского можно, если вдруг не знаешь слов, так душевно поучаствовать в коллективном "та-та-та-та-та, та-та-та..." после каждого куплета.

*Ветр осенний. Тишина.
Я иду под чьими-то окнами,
Не усталая, не одинокая, —
Просто я сегодня одна.
Фонари надо мною зашлись,
Клены желтые звезды сбросили.*

*Я беру на память об осени
Горьковатый, в морщинах, лист.*

*Кто-то шепчется там, в лопухах.
Бродят парочки вереницами.
Это счастье, быть может,
снится мне
Только в самых секретных снах.
Я гляжу сквозь кленовое
кружево,
Приютившая листья к груди,
Нелюбленная, незамужняя —
Это все еще впереди!*